

Олег Артамонов:

Коллеги, добрый день! Сегодня мы проводим наш уже еженедельный круглый стол, сегодня он по теме дела «Rambler против Nginx. Уголовные риски цифровизации». Это одно из самых громких дел. Если брать область IT, то однозначно это самый громкий скандал 2019 года. Я напому для тех, кто не следил за ходом действия. Nginx – это веб сервер, это один из двух веб-серверов в мире. Я сейчас даже не знаю, возможно, он самый популярный веб сервер в мире. Он был разработан в начале нулевых годов Игорем Сысоевым, который в тот момент работал сисадмином в компании Rambler. Был разработан как ПО с открытым исходным кодом, свободно все эти годы распространялся. Параллельно с этим компания была образована компания с аналогичным названием Nginx, которая занималась продажей коммерческих продуктов, основанных на веб-сервере, но сам веб-сервер, подчеркну, с открытым исходным кодом доступен абсолютно всем желающим под лицензией bsd. Компания росла и развивалась, пока весной прошлого года её не купила за 670 млн долларов компания F5 Networks. После этого осенью прошлого года внезапно Rambler вспомнил, что вся разработка начиналась, когда Сысоев был сотрудником Rambler и не просто предъявил ему претензию в том, что он, якобы, по служебному заданию разработал код, а потом использовал его в своих интересах, а подал на него заявление в прокуратуру. В результате чего было открыто уголовное дело, в котором было два истца: Rambler и компания Lynwood Investments, это, скажем прямо, судя по всему, просто обычный кипрский офшор-прокладка, извините меня за такое выражение, связь у него с Rambler очень простая. И у Rambler, и у Lynwood Investments основным акционером является один и тот же человек – Александр Мамут. И Lynwood Investments также в своё время являлся акционером Rambler. В декабре прошлого года, а это уголовное дело, которое началось традиционно с маски-шоу в офисе Nginx вызвало очень бурное возмущение в IT среде, довольно большое количество и петиций, и личных заявлений, и в общем вышли с заявлениями многие люди, от которых заявление не ожидали. По многим компаниям было видно, что они с трудом сдерживаются между корпоративными правилами, не позволяющими лезть в политику и желанием всё-таки сказать своё слово в поддержку Яндекса. Одновременно с этим в капитал Rambler вошёл в Сбербанк, и, естественно, Сбербанку этот шум был крайне неприятен и не нужен, поэтому, казалось бы, все пошли на попятную. Немедленно созвали, Греф как новый совладелец Rambler, немедленно созвал совет директоров, были приняты решения об урегулировании ситуации, о дальнейшем отзыве иска и так далее, и тому подобное. И вот здесь проблема, хотя многим показалось, что победа уже близка, на самом деле ситуация стала как раз намного менее однозначной, намного более, скажем так, интересной. Хотя, конечно, слово интересная несёт в себе положительные коннотации, здесь положительных коннотаций не очень много. Арсений Юрьевич, мне говорят, что у нас трансляции до сих пор нет.

Исполком ПЖД:

Трансляции сегодня нет, потому что zoom почему-то отдает сегодня очень плохо трансляцию наружу. Я не знаю почему это с ним, не могу выяснить.

Олег Артамонов:

Она сейчас у нас запустится или...

Исполком ПЖД:

В Фейсбук она идет, хотя и плохо, а на YouTube вообще нет. Я работаю над этим.

Олег Артамонов: А когда она запустится на YouTube...твои предположения, она запустится с начала, или нам нужно будет всё заново проговорить?

Исполком ПЖД:

Всё заново.

Олег Артамонов:

О'кей, давай тогда подождём несколько минут. Я сейчас на YouTube дам объявление небольшое. (пауза) Так коллеги у нас пошла трансляция на YouTube.

Сергей Нестерович:

Это радует.

Олег Артамонов:

Так, туда пошла трансляция на YouTube. Я вижу, что она пошла сначала, поэтому я продолжу, Так вот, собственно, почему ситуация осталась неприятной? Сейчас Борис Чигидин расскажет об этом подробнее, но с моей точки зрения как не юриста... встречались сразу комментарии юристов о том, что уголовное дело – российская специфика, оно здесь неспроста. Уголовное в особо крупном размере, а в данном случае был именно особо крупный размер заявлен, невозможно прекратить по отзыву заявление истца. То есть невозможно просто так взять и сказать, что стороны примирились. Кроме того, в данном случае не надо забывать, что у нас есть два истца. Это Lynwood Investments, и это Rambler. И если Rambler своё заявление отозвал, ну или по крайней мере пообещал его отозвать. То Lynwood Investments наоборот сказали, что дело продолжается, их интересы нарушены и абсолютно никакого повода отзываться заявление они не видят. 24 апреля этого года Rambler подтвердил, что они заявление отзывают, что они в этом деле не участвуют, что они расторгают договор с Lynwood Investments, но опять же это не решило проблему. Второй момент, который мы здесь видим – это бурная реакция IT-сообщества, очень бурная в декабре, сошедшая

практически в ноль уже в двадцатых числах декабря. Сейчас мы видим, что уголовное дело продолжается, дело идёт своим чередом. Истцы, в общем, один из истцов ни от чего не отказался, но при этом, вот, может быть, коллеги меня поправят... Я за последние 2 недели не видел ни одного публичного заявления, ни одного открытого письма по этому поводу. И у нас здесь возникает, в связи с этим, ну, в общем целый диапазон вопросов, по которым можно буквально, наверное, несколько круглых столов по каждому из них провести. То есть первый: насколько вообще нормальна или ненормальна ситуация такого, по сути, ну, здесь, наверное такого не патентного рейдерства, а рейдерства работодателя, и как не только Nginx, а как вообще разработчики могут защитить себя от работодателя и работодателя, в свою очередь, от хитрых разработчиков. То есть можно ли как-то регулировать эти взаимоотношения, вот, когда вы как Сысоев в 2010 году: только стартуете какой-то хобби-проект параллельно с основной работой. Вопрос российской специфики, уголовной специфики... здесь мы можем рассуждать, спорить о том, как в этом заинтересовано государство, но в любом случае, мы видим что, как говорится, спор хозяйствующих субъектов проходит с использованием рычагов и механизмов государственной карательной уголовной машины. Как минимум государство может что-то подкрутить в этой машине, исключив возможность такого использования. Опять же вопрос нужно или не нужно ее исключать? Какие плюсы и минусы? Мы видим реакцию сообщества, которая очень быстро взлетает на пик, но так же быстро падает обратно. При том, что результат, на самом деле, не был достигнут. Было достигнуто некое временное удовлетворение. Но со стороны, если посмотреть сейчас, то вот это временная победа, временное удовлетворение скорее выглядело как стремление, скажем так, учредителей этого процесса вывести Rambler из-под удара, вместе с тем сам процесс не прекращать, сам процесс довести до конца. Такое небольшое тактическое отступление, небольшой PR ход. Можно ли как-то поддерживать интерес сообщества и можно ли как-то в долгосрочном периоде вести такие процессы. То есть достаточно много вопросов. Давайте перейдем к их обсуждению. Первый выступающий у нас Генеральный секретарь Партии Прямой Демократии Вячеслав Макаров. Вячеслав, здесь вот ещё до трансляции Вам поступил вопрос от пользователя Ашманов. Он спрашивает: «Удалось ли Вам провести учредительный съезд или пока вы ограничиваетесь только подписями под фамилиями?»

Вячеслав Макаров:

Хотел бы передать пользователю Ашманов привет и предложение научиться пользоваться Гуглом (*смеется*). Здравствуйте! Ну, собственно, я бы хотел начать с ключевого момента всей этой истории и он, как ни странно, не про конкретный конфликт Rambler и Nginx, а про индустрию в целом. С моей точки зрения вот такой вот тип иска по имущественным правам, который позволяет открывать сразу уголовное дело... он на самом деле [*не слышно*] *надиву стремлен?* Если мы про ситуацию с Nginx, то по крайней мере проведённое там маски-шоу не сложило работу сервисов, потому

что они всё-таки напрямую не завязаны на ежедневную деятельность компании. Для ряда других компаний — это не так. То есть, по сути, там, если мы поговорим про аналогичный иск между игровыми компаниями, занимающимися копированием игр онлайн, то маски-шоу, организованное конкуренту в день выкатки, например, нового билда игры может совершенно прямым образом нанести ущерб компании сопоставимый с ее месячной выручкой. За такой вот проблемный день простоя, когда игроки со страшной силой ожидают какого-то [*не слышно*] аддона?. Я думаю можно найти ряд других видов бизнеса, онлайн-бизнеса, в которых маски-шоу в какой-нибудь особо неудачный момент также могут привести к тому, что сервис сложится, компания понесет убытки независимо от того выиграет она впоследствии дело или нет. Таким образом в рамках существования Вы можете открыть гражданский иск на уголовное дело и организовать маски-шоу сама механика патентного троллинга превращается из инструмента чисто попытки отжать денег в инструмент конкретного шантажа. Если в рамках гражданского иска это возможность обменяться несколькими выстрелами, то при наличии уголовного - это история «а давайте мы сразу бахнем ядерной бомбой». Мне кажется, что это очень стрёмная история, и поэтому текущее дело нужно рассматривать не только в ключе прав или нет конкретно Rambler или был в данной ситуации прав или нет конкретно Nginx в данной ситуации, но и в ключе «а можно ли вообще так делать» и каким образом убедить государство, что существование вообще такого механизма тормозит развитие, как мы теперь видим стратегически критичной для государства области такой как ИТ. Если суметь поставить вопрос именно таким образом возможно, нам всё-таки удастся добиться неких изменений не только по конкретному делу, но и по ситуации в целом, наверное, вот это хотел сказать. То есть с моей точки зрения дело надо делать масштабным прецедентом и уводить подобного типа конфликты из области уголовного законодательства в исключительно гражданское.

Олег Артамонов:

Вячеслав, спасибо. Да, вот здесь можно подчеркнуть, что, конечно, сейчас в последние месяцы, последние 2 месяца, особенно в Москве стало особенно хорошо заметно насколько важна цифровизация государства. С сервисом mos.ru, как правило недоступен на территории Российской Федерации...

Вячеслав Макаров: [*неразборчиво*]

Олег Артамонов:

Да, внутри которого, кстати работает Nginx и регулярно люди при попытке получить цифровой пропуск видят ошибку, то, что Nginx не удаётся достучаться до backenda. Вот... Но сейчас мы вернёмся к вопросу, собственно, уголовного преследования. Почему ничего не закончилось с публичными заявлениями Rambler, и по этой теме у

нас Борис Чигидин, кандидат юридических наук, которые как раз нас и в эти науки немножко посвятит.

Борис Чигидин:

Так, микрофон.... Отлично. Спасибо, Олег. Добрый день, уважаемые зрители. Спасибо, что вы с нами. Моя задача самыми крупными штрихами, с высоты, так сказать, птичьего полёта просветить аудиторию об основных закономерностях уголовно-процессуального характера в отношении уголовных дел, являющихся инструментом бизнес-конфликтов. С чего мы тут начнем... начнем мы тут с суждения, что по общему правилу, возбудить уголовное дело по экономическому составу, тому или иному составу, так называемой бело-воротничковой преступности – задача в высшей степени нетривиальная. Почему так? Для ответа на этот вопрос мы весь существующий в природе массив даже не самих уголовных дел, а поводов и оснований для их возбуждения немножко огрубляя и упрощая разделим на 3 части. Первая категория сценариев — это случаи, когда события преступления в высшей степени налицо, когда возможности иррационально отрицать у правоохранителя необходимости возбуждаться и расследоваться нет. И он, независимо от своего мнения по этому вопросу, имея, например, криминальный труп идёт, возбуждается и расследуется. Здесь всё более или менее очевидно. Вторая категория. Это независимо от того, очевидно или нет событие преступления, независимо от того, насколько сильны перспективы предъявить обвинение и осудить данного конкретного фигуранта, уголовное дело возбуждается и расследуется, поскольку на то есть решение. Ну вот в терминах дела Nginx в нем дама в чине лейтенанта юстиции, которая фигурирует в имеющихся в общем доступе процессуальных документах, естественно, либо правоохранительного, вернее следственного начальства более высокого уровня, либо вопрос о возбуждении уголовного дела является предметом решения не столько правоохранителей как таковых, сколько политически. Это я вне связи с делом Nginx, это я для полноты картинки. И третья, самая интересная история – это когда независимо от того, насколько очевидно событие преступления, сейчас мы говорим не о насильственных составах, сейчас мы говорим именно об экономической преступности. Ну, точности ради нужно сказать что 146 статья УК, которая вменяется Nginx, она не из главы преступления в сфере экономики, она из главы преступлений против прав граждан, но в обсуждаемом контексте разницы никакой нет. Так вот, независимо от того, насколько очевидны для заявителя перспективы дела, насколько сильна доказательственная база, можно вывернуться наизнанку, можно месяцами в особо запущенных случаях и годами стучаться в правоохранительную систему на входе в возбуждении уголовного дела, будет методично раз за разом отказываться по самым фантастическим основаниям. Вы можете вплоть до того, что указанный в заявлении фигурант на стадии доследственной проверки опрошен, отрицает всё, что про него говорит заявитель и, должностное лицо, проводящее проверку считает это, например, достаточным основанием для вывода об отсутствии оснований для возбуждения

уголовного дела. Вы можете бесчисленное количество раз носить такие отказы в прокуратуру. Вы можете от прокуратуры получать грозные указания в адрес правоохранителя, дополнительно проделать при проверке те или иные вещи, но такой футбол может продолжаться, как я уже отметил, месяцами и годами. Материалы проверки могут передаваться с одной территории в другую, материалы проверки могут передаваться из одного ведомства в другое, на каждом из этих этапов проверки материалы имеют весьма ненулевой шанс потеряться. Объясняется это, с моей точки зрения, в первую очередь тем, что правоохранительная система объективно очень сильно перегружена, и в случае, когда у неё нет либо перспективы срубить палку, либо команды свыше как по второму из записанных сценариев, она будет, конечно, всеми когтями и зубами отпихиваться от того, чтобы получить себе новую работу – трудоёмкую, длительную, которую придется выполнять и отвечать за результаты этой работы. К чему был этот рассказ о трех сценариях... к тому, что обсуждаемое уголовное дело, как всем очевидно, пошло не по третьему из этих путей, а по второму. Дама в чине лейтенанта юстиции рассматривает уголовное... имеет в своем производстве уголовное дело, совершает по нему следственное действие, становящееся, в том числе, предметом общественного резонанса. И вот уместно поставить вопрос «почему так произошло?». Здесь я хотел бы обратить внимание на промежуток времени между моментом, когда Nginx был продан, это, если я не ошибаюсь, март прошлого года и датой возбуждения уголовного дела. Из имеющихся в открытом доступе документов известно, что это 4 декабря того же 2019 года. И вот этого промежутка времени, в принципе, вот с поправкой на типичную практику взаимодействия с правоохранительными как раз в первом приближении достаточно, чтобы добиться принципиального решения о возбуждении уголовного дела. После того как дела возбуждено, уже все процессы идут в высшей степени быстро, всего неделя потребовалось для вынесения постановления об обысках и дальше уже после этого полыхнула в публичном пространстве. Что здесь важно понимать? Когда возбуждается уголовное дело, это, если можно так выразиться, фазовый переход... дорога назад в высшей степени затруднена. Принятое к производству дело – ответственность следователя за его судьбу, за его исход... вплоть до дисциплинарной и даже не только дисциплинарной, если следователем при возбуждении и расследовании уголовного дела будут допущены нарушения. Просто так взять дело и похерить – это уже практически немислимо. Олег об этом уже вскользь сказал, я хочу акцентироваться посильнее. Тот факт, что заявитель в лице Rambler заявил о ходатайстве об исключении его из числа потерпевших, о прекращении уголовного дела следствие не обязывает ни к чему. 25 статья УПК РФ не предусматривает по данному составу части 3 статьи 146 возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением потерпевшего с фигурантом данного дела. Поэтому в PR-среде этот ход, быть может, и заработал бы каких весов, но никаких оснований по факту получения такого ходатайства для прекращения уголовного дела у следствия нет. Поэтому производство по уголовному делу продолжается, хотя и может широкой аудитории показаться, что основания отпали. Здесь можно провести аналогию с делом Банка Восточный, делом Майкла

Калви... Там, если мне память не изменяет, ещё где-то в районе прошлого августа была завершена экспертиза, которая оценила предмет сделки, которая ставится в вину по этому делу... в сумму гораздо больше, чем тот долг, который передача отступного закрывал. Но с того августа никаких следов прекращения уголовного дела нет, следственные действия ведутся, сроки действия продлеваются, есть все основания полагать, что данное дело, хотя мы уже очень давно не слышим о конкретных следственных действиях по нему, с высокой вероятностью будет доведено до составления обвинительного заключения, утверждения его прокурором и передачи в суд для рассмотрения по существу. Какие сценарии здесь в принципе могут воспрепятствовать такому исходу? Чисто теоретически, если следствия придёт к выводу о том, что в основе возбуждении уголовного дела является заведомо ложный донос, то тут следовать следствия прикрыв свою голову может пойти по этому пути. Ну, вероятность такого исхода, наверное, всем более или менее очевидна. Чисто теоретически заявитель по уголовному делу может пересчитать ущерб с третьей части статьи 146 УК она первую, которая допускает возможность прекращения уголовного дела по примирению сторон и выйти на прекращение уголовного дела по этому основанию, но здесь вероятность около нулевая, поскольку по анекдоту «не для того цветочек рощен». Здесь ещё важно отметить, что при том, что уголовному делу уже практически полгода получается, да, до настоящего времени не в одной из применимых юрисдикций, ни в российской, ни в зарубежных гражданского иска, из тех же самых событий не предъявлены и по моему глубокому убеждению предъявлено не будет, потому что перспективы такого разбирательства его потенциальному инициатору, наверное, в высшей степени очевидны. Поэтому следует ожидать, что производства по уголовному делу будет продолжаться, что раньше или позже, оно доберется до суда, если только прокуратура на этапе утверждения обвинительного заключения не проявит крайнюю принципиальность, и в случае развития событий именно по этому пути общественный резонанс и массовое внимание к данному уголовному делу стане, если не гарантией, то по крайней мере определённой надеждой на то, что суд именно суд, не следствие к данному спору отнесется с достаточной долей объективности. У меня на этом более или менее всё. Спасибо за внимание.

Олег Артамонов:

Борис, спасибо за пояснение вот, к сожалению, не радужных, но хотя бы каких-то непонятных перспектив. А я сейчас хочу передать слово Дмитрию Лысаковскому, также юристу и более того, Дмитрий, насколько я понимаю, как раз у тебя есть личный опыт столкновения с уголовным делом, выросшим из споров хозяйствующих субъектов. Вот как бы ты здесь прояснил степень заинтересованности всех сторон, перспективы и прокурорского надзора, и судебных действий?

Дмитрий Лысаковский:

Ну, на самом деле ситуация с Nginx явно выходит за рамки разумной. Дело в том, что сама по себе ситуация, когда возбуждается уголовное дело по действиям, которые совершались там, как написано в постановлении вот этом, которое гуляет по сети... там все действия, простите, совершались в 2004 году. Вот основная их часть, которая инкриминируется Игорю Сысоеву. По этому преступлению установлен срок давности 10 лет. Естественно, этот срок давности давно закончился. Вместе с тем, сейчас была сделана попытка вытащить всё это в публичную плоскость, вытащит это... сделать это правонарушение в глазах общественности длящимся и, соответственно, каким-то образом пресечь все попытки — это дело... чтобы оно разрушилось, закрылось или каким-то образом вообще погасить. Отдельно надо обратить внимание на тот факт, что якобы имело место какое-то изменение информации о программе в 2011 году, на основании чего, собственно, следственные органы там как-то пытаются сейчас шевелиться. Эта ситуация... в основе этой ситуации лежит системное игнорирование правоохранительными органами презумпции невиновности еще на этапе следствия. То есть почему-то у них в головах у всех засел тот факт, что презумпция невиновности... она в суде должна всплывать. Ничего подобного. Эта установка, которая дана на весь период вообще уголовного судопроизводства, который начинается, как говорит УПК, с момента вообще... либо предъявления обвинений, либо даже наличия подозрений. Вот эта самая дама, лейтенант юстиции, которая писала постановление об обыске... в нём изложила фабулу. В фабуле написано, что в неизвестном месте, в неизвестное время, но не позднее 2004 года. Но очевидно, что при такой трактовке говорить о том, что срок давности не истек просто невозможно. Мы должны толковать это в пользу Игоря Сысоева и в принципе уголовное дело не могло быть возбуждено при том, что мы не знаем когда, оно случилось. Но уже даже по тому, что мы знаем уже срок давности прошел. Тем не менее это было сделано. Отсюда мы можем прийти к выводу, что Борис был абсолютно прав в обозначении интересов и интересантов этого дела. А именно в том, что кто-то очень серьёзный стоял за тем, чтобы правоохранительные органы перестали наконец пинать бумаги друг другу и приняли фундаментальное решение вот об этом фазовом переходе, в возбуждении дела. Собственно, причины почему такие вещи случаются очень простые. В арбитраж, как сказал Борис, гражданский иск по этому делу не отнесешь. Срок давности по таким событиям 3 года. И арбитражи на одном этом основании прекращают по ним производство, отказывая в исках. И делают это не задумываясь. Абсолютно правильно поступают, потому что ковыряться там в событиях девятнадцатилетней давности, если вы не приложили никаких усилий к тому, чтобы эту ситуацию пресечь в процессе просто-напросто глупо. Это говорит о том, что Rambler действовал, осознавая эту ситуацию. Никто никогда не держал Nginx это в секрете, он всегда был доступен. На сервере, заметим, того же Rambler как следует из постановления о проведении обыска. Соответственно говорить о том, что Rambler об этом не знал, ну, просто напросто смешно. Вместе с тем, сейчас после 19 лет ребятам каким-то интересантам, не буду уж называть конкретно кто там имеется в виду... им стало интересно зачем-то к этой ситуации присосаться. Причины оставим в стороне. Скажем только, что гражданскую ситуацию в очередной раз вытянули в уголовную

плоскость. Я обращаю внимание, что это является нормальной практикой. Европейский суд по правам человека в принципе в отношении России выносил рекомендации о недопустимости системного вынесения гражданских дел в уголовную плоскость. В IT-сфере это наиболее, наверное, это везде в любой сфере уголовное производство в Российской Федерации так, как оно происходит сейчас несёт ужасающие и разрушающие бизнес последствия. В IT-сфере это еще более заметно. Почему? Любимым инструментом давления лиц, которые ведут следствие является заключение кого бы то ни было из фигурантов дела в следственный изолятор. Для специалиста по IT заключение в следственный изолятор как правило несёт ряд, скажем так, я не могу назвать это неудобствами... это некие фундаментальные нарушения, которые системны и которые лишают его возможности адекватно восстановиться в профессии после. То есть в течение нескольких лет, который человек, обвиняемый по тяжкой статье неизбежно проведет в СИЗО, у него будет запрет, например, читать англоязычную литературу. Не мне вам объяснять, что для IT-специалиста возможность читать подобную литературу в исходниках является фундаментальным для того, чтобы в дальнейшем продолжать жить в профессии. То есть попав в СИЗО специалистом более или менее даже хорошего уровня, в течение полугода он перестанет быть специалистом. В течение еще полугода он перестанет быть даже адекватным рынку инженером. Отдельным моментом нужно уточнить тот факт, что естественно проведение обыска и так далее... Все вот эти вещи они действительно могут тормознуть компании, могут не тормознуть компанию... не важно. Это всё является, по сути дела, акциями устрашения. Это нацелено на то, чтобы конкретный бизнес был убит. У силовиков нет другой задачи, потому что разбираться в уголовных делах, которые возбуждаются по экономическим и уж тем более по инженерно-техническим каким-то основаниям как правило получают людям, которые не имеют специальной подготовки. Обратите внимание на структуру наших судебных правоохранительных органов... то есть гражданские суды общей юрисдикции у нас занимаются всем... они общей юрисдикции. Из этого отдельно был выделен институт экономических споров – мы получили арбитражные суды. Почему? Потому что судьи общей юрисдикции не обладали достаточной компетенцией. И судьи арбитражных судов, которые очевидно были более компетентными в этой области споров, не так давно был выделен институт судов по интеллектуальным правам, где работают очень узкие специалисты. То есть законодатель фактически признает, что это специализация дел является крайне сложной, чрезвычайно интересной с точки зрения юридической практики и очень неоднозначной. По ней появляется своя практика... и вот эти самые дела, которые вынесены в отдельную категорию для лиц, которые должны принимать по ним решения ведутся тем же лейтенантом, который до этого мог расследовать изнасилование, угон скота и или угон машин. То есть как вы понимаете, получить шанс на адекватное юридическое сопровождение на этом этапе... он близок к нулю. При этом мы имеем в общем-то относительно процессуально импотентный орган в виде прокуратуры, который может оказывать какое-то влияние на следствие милиционерское, но как правило не оказывает никакого влияния на следственный

комитет. И мы имеем то, что этот документ... обвинительное заключение, который будет выстрадан по результату дело имеет влияние на большое количество карьер в этих органах, потому что как только дело становится интересным там тут же появляется следственная группы в лице лиц, которые должны в ближайшее время получить новую звездочку. Для того, чтобы получить факт участия в деле, которое было успешно закрыто они все в эту группу входят. Если на этапе суда там...или на этапе досудебном становится понятно, что дело с душком, они из этой следственной группы выходят, но закрыть дело всё равно нельзя, потому что это плохая статистика.

И самый, собственно, важный момент, о чём мы говорим... что это действительно систематическое непринятие, во-первых, факта того, что презумпция невиновности в стране должна работать и работать единственно возможным способом. И второй – это неспособность признать собственной некомпетентности в этом вопросе. Потому что, вот, статья, по которой обвиняется Игорь Сысоев, это 146 статья УК... она вот часть третья ее отсылает ко второй... суть статьи в том, что имеется незаконное использование объектов авторского права или смежных прав. Я обращаю ваше внимание, что для этой статьи в принципе не важно наличие потерпевшего. То есть факт незаконного использования самодостаточен для того, чтобы дело продолжало существовать. Во-первых Rambler почему-то был признан... у нас все признаются, если кто-то добивается, чтобы признали потерпевшим, его признают потерпевшим буквально что насильственно. 52 статья Конституции говорит, что право на защиту от преступлений – это право. Но нет. У нас следователь, когда к нему приходишь и говоришь «отмените постановление о признании меня потерпевшим» он говорит, «нет, я не буду отменять, я признал вас потерпевшим, вы потерпевший, всё». То есть только продвинутый потерпевший сходит в суд, добьется отмены постановления. Но в случае с Сысоевым, со 146 статьей даже этого будет недостаточно.

Олег Артамонов:

Да, Дмитрий, извини, что перебиваю... мы сейчас, к сожалению, должны дать слово Роману Янковскому немножко вне очереди, потому что он вынужден нас в 13:00 покинуть.

Дмитрий Лысаковский:

Да, пара слов и я заканчиваю. Просто ситуация такова, что вот этот формальный отказ от признания лица потерпевшим... он вообще не влияет на суть дела, это чисто PR-акция. Собственно, вот, вся суть моего.

Олег Артамонов:

У меня потом будет ещё один вопрос, но сейчас чуть отложим... Сейчас передаю слово Роману Янковскому, юристу как раз по интеллектуальным правам, защиты интеллектуальной собственности. И вот Роман, к вам вопрос. Ок, а давайте мы представим, что вернулись в 2000-2005 год, вот что может сделать, Игорь Сысоев, чтобы защититься от последующих событий, что может сделать Rambler, если, например, предположить, что какие-то сотрудники могут быть по-настоящему недобросовестны. Понятно, что универсальный ответ – это все нанимают дорогостоящих юристов и дальше общаются исключительно через них. Но вот что может сделать человек, который работает обычным айтишником и у него появляется какой-то вот домашний, что называется, пэт-проект. Как ему выстраивать отношения с работодателем?

Роман Янковский:

Спасибо, коллеги. Простите, Дмитрий, что из-за меня вас немножко сократили. Я действительно здесь поступаю с точки зрения гражданского процесса. Я согласен со всем, что говорили Дмитрий и Борис по поводу уголовного процесса. С точки зрения гражданского процесса, гражданского права... здесь действительно есть определённая нестыковка. Во-первых, надо иметь в виду, что до 2008 года не было... не действовала 146 статья УК. Был закон об авторских правах, там была немножко другая система, я ее очень кратко коснусь, потому что, думаю, сейчас дело Nginx мало кого интересует, так как, как вы правильно сказали, сроки прошли по гражданским делам... Идея нашей системы служебных произведений, так называемых, когда работник создает творческое произведения и оно переходит работодателю в том, что работник должен работать строго в рамках трудового договора и передать работодателю вот эти вещи, которые он создал в рамках трудового договора в ходе их служебных взаимоотношений. В этом случае, если результаты интеллектуальной деятельности разработаны... они соответствуют его служебным обязанностям, и в случае, если работодатель их получил, в таком случае работник претендует на компенсацию. Это нормально работает в случаях, ну не знаю, например, журналист, который пишет статьи для газеты. Вот ему пришло от редактора, значит, предложение написать статью по какому-то вопросу, вот пожалуйста служебное задание, вот он написал, отправил её... всё соответствует трудовому договору. Все автоматически работодатели перешло. Вопросов нет. С айтишниками сложнее. Почему? Потому что, во-первых, в тот период, когда служебное задание, например анализировались как основной способ взаимоотношений между работником и работодателем, вот до 2008 года, по крайней мере, естественно, никто их особо не оформлял... потому что, ну, как вот, айтишник, разработчик... он десятками решает локальные задачи в течение рабочего дня. Он же не будет по каждой задаче составлять документ по акту, там все это передавать... В результате получается, что, значит, если служебных заданий не было, то непонятно насколько работник выполнял какую-то задачу по своей инициативе или по инициативе работодателя. И вот, собственно, Rambler теперь может говорить, что, да, мы давали им поручения

разработать веб-сервер, нам нужно было, чтобы сайт на чём-то крутился. Ну как они по крайней мере говорили полгода назад... И вот он, соответственно, как сисадмин разработал. Он говорит, я был сисадмином, а не разработчиком... Я не мог просто в силу своих служебных обязанностей это выполнить. Rambler мог сказать «ну, давайте посмотрим, может быть у нас разные мнения по поводу того что делает сисадмин, но мы считали, что работа сисадмина это включать». Короче говоря, если реалиями сегодняшнего дня прав на самом деле при разработке трудового договора... прав у работника всё равно достаточно много. Важно правильно ими распоряжаться. Работник в России имеет больше прав, чем разработчик, работник IT-компании... имеет больше прав, чем в тех же самых Штатах, потому что у нас, на самом деле, много претензий к работодателю... Они просто не имеют под собой юридической силы и работодателю... они давят на работников, которые не совсем как бы в теме и подписывают бумаги, и готовы передавать задним числом какие-то права, не разобравшись в том, что они по трудовому кодексу реально могут. А что они реально могут? Во-первых переходят работодателя только те произведения, которые созданы в рамках служебных обязанностей работника. Если работник в качестве менеджера нанят, он там что-то написал... понятно, что всё, что он не сделает оно не будет включаться в эти служебные обязанности, и, соответственно, все его пэт-проекты, картины, которые он рисует, книги, которые он пишет... они никак не будут соотноситься с его служебными обязанностями и не перейдут в собственность работодателя. Второй момент, это индивидуализация произведений... Я видел много случаев, когда работники спокойно уносили с работы код... потом его использовали на другого работодателя потому что у них нигде не было описано, что они передали. Человек, грубо говоря, берет кусок кода...работодатель, если потом пытается его преследовать и обнаруживает, что невозможно поделить какой кусок работник разрабатывал, какой кусок он забрал, какой кусок он передал... То есть, грубо говоря, если это нигде не зафиксировать... не зафиксировать в трудовом договоре, как он передает результат, да, у работника есть определенная возможность, чтобы потом говорить «ну да, я это разработал примерно в тот же период, но я это для себя разработал, а не для работодателя». Начинается обсуждение того, а кто как и кому передавал эти результаты интеллектуальной деятельности и мало у кого это нормально оформлено... то есть, чтобы в трудовом договоре, там, условно был логин в среду разработки, чтобы был емейл указан, под которым работник должен присылать свои результаты и так далее То есть вопрос доказывания здесь тоже работник может использовать... И на самом деле работники, при наличии нормальных юристов, часто этот козырь используют. Собственно это, в том числе причина того, на мой взгляд, почему это всё началось в уголовной плоскости. Отдел по авторскому праву, который как бы охватывает гражданские отношения, но так или иначе привлекает либо, там, 146 статья УК, либо 183 статья про коммерческую тайну, либо статья 12 КоАПа про нарушение авторских и смежных прав... их ну не то чтобы прям супер много, но это не уникальное явление. Почему? Потому что если руководствоваться строго трудовым кодексом и гражданским кодексом, то достаточно сложно доказать нарушение, если ты работодатель или потерпевший от действий

работника. Почему? Потому что в гражданском процессе или в арбитражном процессе тоже достаточно сложно... потребуются раскрыть код... это само по себе требует определенного доказывания. В гражданском процессе это невозможно сделать на досудебной стадии, например, то есть пока ты будешь там требовать от суда, чтобы он хотя бы взял код конкурента и сравнил его с твоим, там уже от кода в принципе может ничего не остаться. И из-за этого, да, не раз я видел, что процесс начинается с масок-шоу... просто потому, что, значит, заслать обыск конкуренту, отправить туда своего сотрудника, который сам посмотрит у них на компьютерах всё и покажет товарищу майору что и где я скачивать. Это более выигрышная стратегия с точки зрения процесса, чем подать гражданский иск, ждать пока суд сообразит, примет это к производству, можно потребовать дополнительных доказательств... а как ты получишь доказательства того, чтобы твой код используется, если ты не можешь попасть к ним в офис пока процесс не начался, понимаете? То есть в этом плане, я не говорю про то, что Rambler какие-то хорошие ребята или то, что это классная практика используя 146 статью при делах об авторских правах. Я говорю про то, что у нас в целом вот эта смесь гражданского с трудовым законодательством, которая регламентирует переход прав от работника к работодателю и процессуальное законодательство, которое регламентирует доказывание... доказывание перехода интеллектуальных прав, доказывание тождественности кода. Оно вообще находится в каменном веке... и не то, чтобы суды, вот, как правильно сказали, про суды общей юрисдикции..вот как Дмитрий сказал, не то, что суды в этом плохо разбираются, но плохо то, что у судов-то особо и механизмов нет, чтобы в этом разбираться. То есть есть экспертиза, есть теоретические возможности обеспечить доказательства в процессе, но, если сравнивать с теми же Штатами... у нас всё развито очень слабо, у нас ну, не знаю, за всё время было может быть 100-150 процессов, в которых код раскрывался. И это в основном были как раз уголовные дела, то есть я посмотрел статистику... вот когда действительно при доказывании удавалось заставить оппонента выдать код... очень редкий случай. Я неделю назад буквально опрашивал своих коллег из других компаний, мне только один коллега сказал, что он вообще с этим сталкивался, что в гражданском процессе он смог заставить оппонента раскрыть код. В остальных случаях это 146 статья. Ну обычно это уголовка прям уголовка, то есть когда идёт какой-то махровое нарушение прав, компания, например, отделилась и вторая половина, отделившаяся, она тот же самый продукт выдает. Такое, более очевидное нарушение. Ну, хочу остановиться вот как раз на том, что проблема с трудовыми отношениями работника и работодателя, которую пока мало кто правильно понимает и мало кто из работодателей это правильно оформляет. Плюс проблема с доказыванием тождественности кода, доказыванием нарушения интеллектуальных прав приводит к тому, что уголовные дела по 146 статье и в целом уголовные дела, связанные с авторскими правами используются как инструмент, как такой эрзац-механизм, чтобы решить вопрос... просто другим способом, не через доказывания по трудовому и гражданскому праву, а через

доказыванию по уголовному праву. Вот это тоже проблема, с которой нужно разбираться.

Олег Артамонов:

Роман, спасибо. И вот здесь я бы хотел буквально на минуту вернуться обратно к Дмитрию. Вот тут у нас как раз в одном из комментариев на Хабре высказывают уверенность, что Nginx сейчас выиграет суд, после чего подведет под санкции всех, кто на него подал, отсудит у них очень очень много денег и будет жить долго и счастливо. Но мы, по сути, вот по крайней мере то, что я услышал из трех предыдущих выступлений... это то, что независимо от честности и добросовестности Rambler у него в общем, если он хотел здесь добиться решения в свою пользу, у него не было выбора кроме как запускать вот этот паровой каток российского уголовного правосудия. Этот каток сейчас запущен, остановить его будет крайне трудно, потому что водители этого катка тоже заинтересованы в том, чтобы он ехал. А вот, Дмитрий, особенно вот в связи с твоим опытом, насколько вообще вероятно какое-то адекватное разбирательство в суде? Допустим это всё доходит до суда. Каковы шансы Nginx... там не будем сейчас говорить про санкции, про отсуживание денег... Но каковы шансы Nginx в российском суде на оправдательный вердикт?

Дмитрий Лысаковский:

Ну, за меня, честно говоря, ответ на этот вопрос дал Верховный суд, который сказал, что у нас по статистике 0,015 по-моему процент оправдательных приговоров. Собственно, я не думаю что он Nginx серьезно эту статистику попортит. Вместе с тем у них очень серьёзные есть... серьёзная возможность исправить ситуацию. Она заключается в том, что никто не мешает самим... самому Nginx выйти с гражданским иском не по поводу ущерба, а просто по поводу признания прав на вот это вот, собственно, программное обеспечение. Дело в том, что уголовное дело по статье будет расследоваться я думаю никак не меньше пары лет. За это время можно выйти в суд, выиграть его благополучно и дойти даже до Верховного суда. После этого, имея в кармане решение суда, о том что программное обеспечение принадлежит Nginx и в этом случае уголовное дело будет прекращено. Это, к сожалению, требует массы возни хороших юристов, но это, тем не менее, событие, потому что единственное препятствие... одно из немногих препятствий, которые наши суды общей юрисдикции в уголовных делах обходят с большим трудом — это преюдициальные решения по гражданским делам. Да их можно обойти, на них можно наплевать, но делается это с трудом. К тому же, учитывая, что в случае с Nginx имеет место иностранная составляющая в уголовном деле соответственно риски от обхода такого решения существенно возрастают. Как и репутационные риски в принципе судебной системы Российской Федерации, так и финансовые риски.

Олег Артамонов:

Дмитрий, спасибо за комментарий. Вот я бы хотел сейчас напомнить и нам читатели в чате на YouTube тоже напоминает, что на самом-то деле паровой каток... Он катается не только по Nginx. Это самое громкое дело прошлого года, но надо не забывать, что у нас сейчас в СИЗО находится Всеволод Опанасенко из Т-Платформы, тоже по уголовному делу, что у нас сейчас, насколько я понимаю, под домашним арестом находится Евгений Ахмадишин, также по уголовному делу, причём по уголовному делу, которое тянется уже вот тоже там чуть ли не лет десять. Поэтому на самом деле это ситуация действительно намного шире одного Nginx. Эта ситуация, которая в общем в российском IT и не только в IT может коснуться каждого. Вот прощаемся сейчас с Романом, он должен нас сейчас покинуть. Роман, спасибо, что посетили нас, до свидания!

Роман Янковский:

Спасибо вам огромное!

Олег Артамонов:

Борис, я видел, что ты хотел что-то прокомментировать.

Борис Чигидин:

Буквально два слова вдогонку к комментарию Дмитрия относительно возможности заявить Гражданский иск и сроки Nginx тем самым зафиксировать право на продукты в рамках гражданского судопроизводства. Тут что? Тут контекстно такой диск имеет смысл будущих потом, пожалуй, только в Российской юрисдикции. А коль скоро так, здесь, на мой взгляд, определённые, может, шансы и есть, но весьма высока, по моим оценкам, вероятность приостановления по ходатайству ответчика производства по такому уголовному делу до разрешения дела уголовного, если ответчик удастся убедить суд в том, что судьба гражданского спора следует судьбе уголовного разбирательства, я бы предположил, что такой сценарий развития событий весьма вероятен.

Олег Артамонов:

Борис, спасибо. Ну в общем да, пока картинка вырисовывается не очень радужная. Понятно, что привлечение государства и уголовных правоохранительных органов в возбуждении уголовного дела – это российская специфика. Но при этом, насколько я понимаю, в принципе, такие патентные споры и споры с бывшими сотрудниками именно с целью рейдерского захвата или как минимум понижения цены, получения отпускных с их стартапа она характерна в целом для мира. Вот хотелось бы про это спросить Юрия Панчула, который у нас с включением с ночной стороны Земли, с темной стороны Земли, из Калифорнии. И который сейчас в России больше известен

как инженер MIPS, Imagination и Juniper Networks и автор учебных курсов. Но вот немногие знают, что в прошлом он стартапер и успешный основатель компании C Level Design.

Юрий Панчул:

Здравствуйте! То есть вот то, что я вижу по делу Nginx... я все элементы этого видел ещё в девяностые годы и собственно хочу привести три случая в том числе мой случай лично, а также случае двух разных компаний, в которых вы можете увидеть все вот аспекты, как правило гражданские, но и криминальные случаи там тоже есть. Вот, ну прежде всего, я начну со своего случая, то есть я в 1995 году работал в компании Mentor Graphics, которая сейчас является частью Siemens. Вот мне пришло в голову некоторая идея, я сделал прототип этой идея с помощью открытого софтвера. То есть это идея в области программы для автоматизации проектирования электроники из трансляции кода на си в аппаратные схемы через язык описания аппаратуры в **[неразборчиво]**. Я довольно быстро сделал прототип, после чего я нашел ангел-инвестора, то есть это Денис Колман, бывший вице-президент **[неразборчиво]**, и автор первого учителя для PS. То есть я пришел к нему, показал эту программу, он сказал, что проблема в том, что я сейчас работаю в большой компании, и тем самым я сделал этот прототип одновременно работая в этой компании, поэтому мне нужно сходить к его юристу, который собственно определит вот что в этом случае можно сделать. И мы пошли к юристу, откуда я узнал в общем-то всё, что всё что нужно знать по этой теме. То есть юрист сказал, что инвестору инвестировать в такой ситуации очень опасно, так как в таком случае бывший работодатель может сразу же написать про это одно письмо. Это письмо я обязан показать всем следующим инвесторам, после чего не будут инвестировать. То есть предыдущему работодателю меня не нужно даже судить. Всё, что им нужно это покрасить один час их юристов, чтобы записать маленькое письмо, которое я обязан показывать всем следующим инвесторам, иначе они будут меня судить, что я юридически скрыл этот факт. Вот, ну и после этого я спросил у юриста что делать мне в таком случае, чтобы сделать всё это чисто. Вот этот мой юрист, это собственно Джек Руссо из компании Pale, которая находится в прямо вот рядом с Университи Авеню, и вот он всё время судится именно по этим делам. Он мне сказал что, процедура следующая. Во-первых, мне нужно уволиться из компании, в Калифорнии есть закон, California Labor Code, который говорит, что в принципе, если программист разработал программу в свободное время на своих на своих компьютерах и не используя секреты компании, вот, то он может это сделать, но в реальной жизни компаниям удается всё-таки пресечь возникновения стартапа даже в таком случае. Они, например, могут показать, что в компании другая группа делала что-то в этой области, то есть основателю стартапа нужно мало того, что доказать что он всё это сделал сам, но еще ему нужно доказать, что в компании не было кого-то другого, кто это мог делать и откуда он мог случайно получить эту информацию. Ясное дело, что пока он всё это будет доказывать, в него никто не будет инвестировать. Вот Джек мне сказал,

что мне нужно сразу же уволиться из компании, после чего тот код, прототипы, которые я сделал использовать нельзя. Мне нужно вначале некоторое время. Это минимум полгода, а скорее год. То есть чем больше времени проходит между увольнением из компании, тем ниже шанс что предыдущий работодатель может что-нибудь сделать, вот, после чего мне нужно написать всё заново, документируя каждый шаг. То есть сейчас это делается с помощью version control system, где можно показать что я вот в такой день писал столько-то строк, в другой день писал столько-то строк... Но в то время ещё, в 1996 году был способ, что можно было просто регулярно распечатывать эту программу, после чего отсылать самому себе в конверте используя штамп от почты в качестве доказательства. Вот, ну и я это делал и через полгода я пришел к этому же самому инвестору, но вначале я пришёл к его юристу, и ему сказал что я вот стал всё писать с нуля, не используя предыдущий код, я могу просто показать что это cleanroom. И юрист в таком случае предложил, что он сам может стать инвестором и он инвестировал первые 50 000 долларов. Потому этот предыдущий инвестор сказал, ну, раз Джек инвестировал, то я тоже инвестирую 50 000. Потом он реинвестировал еще 200 000 и через полтора после этого мы пошли к венчурным инвесторам, которые инвестировали уже 1 000 200, вот, потом в это ещё или Intel Capital, но суть в том, что вот это, собственно, чистая рекомендация от американского юриста, который делает это на потоке, находится в центре. Мейнстримный вот случай выглядит именно так. Но в этом есть разные другие особые вещи, например это достаточно чистый случай, но Mevtor Graphics... они рассматривали после этого в том числе возможность купить мой стартап, но так как в него инвестировал Intel, то это стоило бы слишком дорого. Но вообще рассмотрим другие случаи. Во-первых, криминальные случаи по поводу интеллектуальной собственности в этой индустрии были. Самый известный случай – это случае компания Avantí против *[неразборчиво]*. Хотя криминальные, вот криминальная часть... она действительно может быть обоснована, так как там действительно был украден код. То есть компания *[неразборчиво]* это одна из двух крупнейших компаний в области для проектирования микросхем. И там действительно работал некий инженер, который украл код, который работал с их внутренней базой данных. То есть в этой базе данных хранится информация о ячейках на микросхемах, как они связаны друг с другом и так далее. Это база данных была использована в самом начале компания Avantí и потом её вообще выбросили. И вообще он не крал именно алгоритмы, которые делают вот размещение этих ячеек по площадке чипа. То есть, собственно, их ноу-хау вот за счёт чего они выросли до миллиардной компании, сделали IPO, вышли на биржу и уже стали большие, вот, этот код уже очень давно не использовался. И вообще он не был вот их ноу-хау, то есть это было бы как, если бы кто-нибудь украл бы в Microsoft парсер файла docx, вот, после чего сделал бы лучший Microsoft Word с более хорошим интерфейсом, с более сложными возможностями, после чтобы выкинул бы этот парсер этого docx, сделал бы свой... после чего Microsoft бы обратился на него в суд на 2 млрд долларов... то есть это было бы много судов, но в сумме это был бы миллиард, но также сделали бы криминальный случай, причём, некоторые из основателей Avantí

действительно отправились в тюрьму. Причем интересно, что один из них был отправлен в тюрьму Сан-Квентин... это тюрьма, в которой производится смертная казнь, в которой сидят самые серьезные преступники, там по углам стоят вышки с пулемётами, она находится в таком вот в конкретном... на берегу залива, но при этом суд разрешил ему, чтобы он в тюрьме ночевал, а днём ездил работать в офис Silicon Valley, то есть чтобы он ночь проводил в с этими всеми убийцами, вот, а днем он ехал в офис и там ходил на все эти митинги. Вот, причём, когда его освободили, как это ни странно, он потом работал в том числе компании, которая делала этот суд. То есть если что, то это всё бывает и в этом случае, хотя криминальный случай был реален, но он был просто несуразно большой. То есть выросла большая компания, у которой клиенты были... большое количество электронных компаний. Вот все эти крупные электронные компании... они использовали программы Avanti, которые были лучше чем программы Кейденс по бенчмаркам. То есть это вот случай похожий на случай Nginx, то есть их сервер лучше, чем другие серверы. Их пытаются убить. Вот в том случае пытались убить миллиардный бизнес крупную компанию, чтобы... кончилось это тем, что их выкупил Synopsys, но с помощью сложных транзакций. Они сначала сделали insurance, то есть страховку Кейданс не засудит их на пару миллиардов. Эта страховка стоит 800 млн, после чего они сделали settlement с Кейдансом, купили этот tool и он используется... был интегрирован вместе с Synopsys. Это программа, которая используется для проектирования микросхем. Вот все эти, значит, Apple, Intel... многие другие компании и так далее. И третий случай – это случай Lex против MIPS. Вот это в девяностые годы была компания, которая стала делать процессоры архитектуры mips и продавать их как код в фрилоге, и они это делают ещё до Arm и до MIPS как такового. Они использовали mips instruction set, то есть набор инструкций, пользуясь тем, что патент на этот набор инструкций истек, то есть прошло 17 лет, но они стали использовать одну команду, которая была добавлена MIPS довольно поздно. Вот из-за чего MIPS подал на них в суд и, хотя они сделали эмуляцию этой команды программным способом, и тем самым, всё это превратилось в достаточно нелепое с точки зрения и программиста, и hardware-инженера деятельность, но после этого MIPS просто затягивал суд, пользуясь тактикой, которая использует большое количество больших компаний против малых. Они просто знают у малых компаний гораздо меньше денег на юристов, которые берут... даже в то время брали 600 долларов за час суда и 300 долларов офиса, то есть для нормального суда компании требовалось иметь 100 000 долларов и больше, причём если это компания стартап то всё время пока она судится, ни один инвестор не вложит в нее ни цента. То есть фактически это надежный способ убить стартап. Просто сделать суд по поводу, который с точки зрения инженера может быть абсурдом, вот после чего тянуть время пока у этого стартапа кончатся деньги. И в то время MIPS протянул против Lex до момента, когда остались две недели до того, как вообще у компании заканчиваются все деньги, после чего сделал settlement, при котором это компания была выкинута из бизнеса продажи процессорных ядер и была вынуждена делать бизнес делания чипов, в котором она быстро закончилась. Компания, которая была лучшей в индустрии процессорных ядер, была убита более

большой компанией с менее эффективными ядрами с помощью затягивание дела. Это вот то, что вообще следует знать про всю эту индустрию, что компании... что суды с патентами и так далее были придуманы больше 100 лет назад, чтобы защитить маленького изобретателя против большой компании, но реально это превратилось в свою противоположность, это превратилось в инструмент больших компаний борьбы в судах. Причём в судах у юристов имеется реальность, которая совсем другая с точки зрения программиста.

Олег Артамонов:

Юра, извини, что я прерываю твой рассказ. У нас уже довольно много времени... спасибо за взгляд с темной стороны земли! Ну, смотрите у нас получается ситуация, в общем, сложная, явно выходящая за рамки не только одного Nginx, но за рамки, условно, вообще судебной системы. Потому что мы видим, что нигде сейчас «счастья нет». В России своя уголовно-правовая специфика судебной системы, а в США своя. Но у нас остаётся ещё одна сила воздействия на судебную систему и на государство, и на общество... это, собственно, общество. Это сообщество айтишников, IT-компаний, сотрудников неравнодушных, которые могут как-то пытаться на это воздействовать. Ну вот такое воздействие видели в декабре. Оно, к сожалению, достаточно быстро прошло и вот здесь возникает вопрос. Вот у нас есть представители IT-сообщества... Андрей Шетухин, Артем Гавриченко. Андрей Копейко, он, кажется, сейчас отошёл куда-то... причём отмечу, что Андрей Копейко был непосредственным начальником в Игоря Сысоева с 2000 по 2005 год. Вот интересно ваше мнение. Как бы вы со своей стороны изнутри индустрии прокомментировали... О, Андрей Копейко появился... Андрей, я повторюсь с вопросом. Вот со стороны IT-сообщества, у нас есть три представителя этого сообщества....

Андрей Копейко:

Я все слышал.

Олег Артамонов:

Замечательно. Вот вы как человек, бывший непосредственно над этим там в начале нулевых годов... вот если бы у вас были все знания, которые есть сейчас о том, как всё это повернётся... что бы вы изменили, что бы вы посоветовали коллегам? Как работать, как правильно оформлять свою работу? Что вообще делать? Или здесь нельзя ничего делать и пока правовая система такая какая она в России и какая она вот как нам Юра рассказал, и не только в России, с этим сделать ничего нельзя? Каково ваше мнение сейчас на те события?

Андрей Копейко:

Я посоветую второе. Ничего не делать, но не только не столько потому, что сделать ничего нельзя, сколько потому что это дорого, долго и бессмысленно. Далеко не всякий стартап сможет просуществовать дольше года, если вы в самом начале начнете свою деятельность не с разработки, не с проектирования, кодирования какого-то там полезного инженерного действия, а начнете с оформления юридических процессуальных бумаг, ничего у вас с кодированием не получится.

Олег Артамонов:

Андрей, спасибо. А вот у нас слово просит другой Андрей, Андрей Шетухин и тем более, что я в любом случае ему это слово хотел дать, потому что Андрей... он тоже работал в Rambler и он тоже сейчас работает в IT. Андрей, вот каково твоё мнение, что со всем этим можно сделать? Я напомним два вопроса. То есть первый – это что делать разработчикам здесь и сейчас, чтобы так не попасть через 10-20 или сколько-то лет, а второй вопрос – можно ли что-то делать сообществу, с сообществом, чтобы вот этот интерес сообщества к проблематике... он не был одно-двухнедельным?

Андрей Шетухин:

Давайте начнём с экскурса в историю, с небольшого. В то время, когда я работал в Rambler... это с 1 января 2009 по примерно 1 ноября 2012, ну неважно... В общем с 2009 по 2012 год. Я видел абсолютной бардак с точки зрения оформления любых прав, и с точки зрения постановки процесса на задание на разработку. То есть если будут вопросы я готов под присягой признать, что никаких заданий и прочего там не было. Скажем сразу, что с момента, как я туда пришёл работать меня это очень сильно, ну скажем так, нервировало, потому что пэт-проекты есть у всех и если мы говорим о том, чтобы потом эти проекты во что-то превратились или даже не превратились, а ты их потом мог использовать, то наверное надо было позаботиться о юридической базе. Сделать это в Rambler было невозможно ввиду того, ну скажем так, незаинтересованности руководства в решении подобных проблем вообще. Ко всему прочему руководство там менялось примерно раз в полтора года и не все договорённости, которые были ранее могли бы сработать и работали с новым руководством. Это ещё одна очень серьезная проблема организации. Что я сделал для того, чтобы не попадать в такие проблемы, какие есть у Сысоева? У меня не такой большой проект, но он у меня есть... я просто начал 1 декабря 2012 года, через месяц после того, как уволился. Вот и всё. Потому что ситуация, скорее всего, была бы критической... ну понятно, что у Сысоева больше вопросов, потому что больше денег. Но отсутствие защищённости... оно есть у всех, кто фактически разрабатывал какой-либо свой код. Поэтому я для себя вывел, что единственный нормальный рабочий способ – это просто не работать в то время, когда зарабатываешь. Вот и всё. К сожалению. Это первый вопрос. Переходим ко второму вопросу. Давайте будем откровенны и признаем, что ямы Сысоев не работает. То есть у нас нет как у айтишников... нет такой мощной базы как, например, у журналистов. Поэтому мы не

можем при помощи Новой газеты, не знаю, каких-нибудь там... Московского комсомольца, да любого вообще издания вывести на улицы людей. Соответственно коль сколько это так, то, скорее всего, общественный резонанс будет очень невелик и вряд ли при помощи него что-то можно сделать. Навредить скорее всего получится, сделать что-то положительное, скорее всего, нет. Мне кажется что Игорю необходимо заниматься больше вопросами юридическими, чем прокачкой общественного мнения, тем более, что ни опыта, ни возможностей там скорее всего не будет. Скорее всего, так. Спасибо,

Олег Артамонов:

Андрей, спасибо. Ну и тот же вопрос Артёму Гавриченко. Артём?

Артём Гавриченко:

Мы очень много говорим про Nginx, это действительно очень важная тема.

Я хотел бы тогда остановиться на другом вопросе, который ты задал: что делать другим программистам, чтобы не попасть в такую ситуацию? Как мы понимаем, скорее всего, у Игоря есть шансы на то, чтобы выплыть из этой ситуации здоровым и с имуществом. Это действительно напоминает ситуацию с Иваном Голуновым: одного человека вытащили, но что будет со следующими — не очень понятно.

Я хотел бы как раз поговорить о том, что будет со следующими в таких процессах, что будет с другими людьми, которые попали в такую ситуацию, и при каких условиях они туда попадают.

В российском, и не только российском, IT-сообществе присутствует во всём его многообразии правовой нигилизм. Его можно увидеть в том числе в попытках уйти из денежных знаков в криптовалюты — это всего лишь симптом. И в большинстве случаев пока что за правовой нигилизм люди не получают никаких последствий. Я хотел бы предостеречь и сообщить, что правовой нигилизм возможен только до тех пор, пока вы не делаете ничего, что было бы кому-нибудь нужно.

Я хотел бы остановиться на образовании в Российской Федерации. У нас принципиально не готовят инженеров-программистов. Программистов — может быть, а инженеров — нет. Преподаватели обычно заявляют, что они готовят ученых, или что университеты не должны ставить себе целью работать как ПТУ. Что они учат *учиться*, учат *думать*.

Это всё хорошо, но на выходе, в результате, получается программист, который не просто не готов к индустриальному программированию в том смысле, что он не умеет писать грамотный, читаемый, работоспособный код по окончании 4-5-6 курса. Всё

намного хуже. На выходе получается программист, являющийся готовой жертвой 146 статьи Уголовного кодекса о нарушении авторских прав.

У меня на ВМК МГУ был только один — необязательный! — спецкурс, на котором подробно разбирались открытые лицензии Apache, MIT, GNU GPL. И он ещё читался не каждый год. Это лучшая из ситуаций, которая была в российском образовании на тот момент. Я подозреваю, что и поныне. В результате этого в российском обществе просто нет культуры отношения к лицензиям, как к открытым, так и закрытым. Есть очень много документации, в том числе Free Software Foundation (Фонд свободного программного обеспечения) даже на русском (!) публикует всю документацию, например, про GNU GPL. Это достаточно страшная лицензия для коммерческих компаний, и там есть целая диаграмма этих лицензий. Потому что есть, например, самая страшная лицензия, под названием Affero GPLv3, согласно которой, если вы на основе библиотеки, взятой под этой лицензией, пишете какой-то код для своего Web, вы обязаны выложить все исходники.

У меня есть на руках следующий кейс — который ещё на данный момент не разрешён, он ещё продолжается — и он типичный. Некая компания разрабатывала продукт — не будем вдаваться в подробности в интересах участвующих в деле — на протяжении порядка 5 лет. В нём использовалось очень много открытого свободного кода — взятого с GitHub, взятого из других мест.

Когда программисты приходили к менеджерам с вопросом: “Под какими лицензиями... ну расскажите нам что-нибудь про лицензии, под какими можно использовать код?” Менеджеры отвечали очень просто: “Используйте любой код, который вы в состоянии достать, откуда бы то ни было”. Так происходило 5 лет.

За 5 лет, понятно, этот код проник очень глубоко. Как коронавирус сейчас. То есть его практически уже невозможно вычистить из такого проекта. Только полным переписыванием. И то!

Например, у Microsoft: открытая лицензия Microsoft, опубликованная в 2007 году — под которой публиковались части исходного кода операционной системы Windows — она подразумевала, что вы не имеете права без согласования с Microsoft реализовывать идеи, которые возникли у вас при чтении этого кода. Представляете, да?

Что происходит в данный момент? Происходят определенные перестановки в компании, смена менеджмента, и уходящий менеджмент потребовал от всех программистов подписать бумагу, в которой каждый (!) программист компании берёт на себя полную ответственность — вплоть до уголовной! — за весь использованный им сторонний код. Нужно ли говорить, что большинство подписало эту бумагу? На секундочку, это бумага, если читать её между строк, в которой написано “я соглашаюсь отправиться в тюрьму на 2 года”.

Повторюсь, правовой нигилизм сходит с рук только в том случае, если вас пронесёт и если то, что вы делаете, никому не понадобится. Абсолютно справедливо было бы замечание, что GPL в России имеет достаточно туманный статус. Проблема в том, что туманный его статус может сыграть как вам на пользу, так и против вас, а самое главное начинается, если вы предпринимаете попытку выхода на международный рынок. Поскольку, например в США GPL работает в том числе в судах — и проверен в судах, все его версии.

И здесь я хотел бы поддержать тему, поднятую Юрием Панчулом про то, как это выстроено в США. Я изучал этот вопрос достаточно давно, это был, кажется, 2016 год, но ситуация не поменялась. На эту тему у меня на Хабре есть статья под названием [«Мировая столица патентного права»](#).

Я хотел бы обратить на нее внимание, поскольку есть, действительно, предположение, что ситуацию с авторскими правами разработчик, программист не должен изучать, если он планирует эмигрировать в США. Так вот. По состоянию на первую половину 2015 года, вот у меня цифры со ссылками есть... 44% патентных дел и дел о нарушении авторского права подавались в окружной суд Восточного округа штата Техас. Не в Калифорнию, не в штат Вашингтон, и не в Нью-Йорк. Маленький Восточный округ штата Техас, конкретно в город Маршалл.

Почему? Потому что в городе Маршалл есть окружной суд, который специальным образом разбирает патентные дела таким образом, чтобы у патентных троллей, чьи офисы находятся в этом городе, которые дают работу жителям этого города, финансируются патентными троллями... и поэтому суды, в основном, тяготеют к тому, чтобы давать им преимущества в ходе разбирательства, поэтому патентные тролли в Техасе выигрывают.

Что это всё значит? Я хотел бы всем настоятельно порекомендовать прочесть текст лицензий GPL, они все есть на русском языке. Прочесть также английский текст, если на русском вам непонятно. Если на английском непонятно, то снова прочесть русский. Изучить разницу между лицензиями MIT, Apache и GPL и научиться применять это в собственной работе, поскольку, как показывает практика, в том числе в России, большинство работодателей не будут защищать вас в случае, если произойдет какой-то иск, а в самом худшем случае, не то что работодатель не будет вас защищать, а произойдет как с Игорем Сысоевым. Спасибо.

Олег Артамонов:

Артём, спасибо. Ну вот у меня, кстати, здесь есть от слушателей вопрос про работодателей... как раз очень вовремя ты это слово сказал. Георгий Аксёнов спрашивает: «Андрей говорил о том, что у программистов малые ресурсы общественного влияния, меньше, чем у журналистов. Возможна ли схема, при которой

профсоюз программистов выставляет работодателем требования предоставить возможность использовать их продукт как такую площадку, и тогда миллионы пользователей самых разнообразных ресурсов могут увидеть сформированную точку зрения айтишников». Ну здесь, наверное, вопрос не про конкретно профсоюз, потому что профсоюз – это вполне конкретная однозначная форма организации, она занимается решением трудовых вопросов с конкретным работодателем или несколькими работодателями... а в принципе, возможна ли какая-то общественная организация, которая может такие права системного отстаивать и мнение программистов доносить, и мнение общества доносить до программистов? Вот это к Артему вопрос, ну, если кто-то еще хочет высказаться, то дайте мне знать.

Артём Гавриченко:

Перспективы создания профсоюза программистов, на мой взгляд, на данный момент примерно нулевые.

Я такой пример хочу привести: попытки организовать профсоюз, по моим ощущениям, раз в два года происходят у сотрудников компании Amazon. Как известно работа там достаточно напряженная, как в IT, и не в IT. Результатом этого являются массовые увольнения, замена персонала, и всё. В калифорнийском IT ненавидят профсоюзное движение, вследствие этого в других странах, за исключением единичных примеров вроде Франции — и то, я не знаю — подобные движения, скажем так, они блокируются индустрией на дальних подходах.

Здесь ситуация следующая: это не получилось в Калифорнии, это не получилось в других странах, и мне не кажется, что Россия станет исключением из этого правила.

Я бы даже сказал, что следующую точку зрения... всё-таки в России, в мире рынок IT... он достаточно конкурентен. Рынок труда. На нём есть множество работодателей, поэтому если у вас возникает ощущение, что вы работаете на компанию, для взаимодействия с которой вам нужен профсоюз, возможно это просто не та компания, в которой вы действительно должны работать.

Олег Артамонов:

Артём, спасибо. Вот я вижу Вячеслав Макаров хочет сказать... да, Слава, давай, тебе слово.

Вячеслав Макаров:

Ну, во-первых я хотел сказать, что имел я дело французскими профсоюзами, как раз работая в IT-компании и хочу сказать, что деятельность профсоюзов там нацелена на убивание таких же примерно форматов вещей как и в других видах компаний, то есть

речь идёт про гарантированную зарплату, про отпуска, про увольнения... и там довольно слабо речь шла о защите каких-либо прав, связанных с авторским правом. Поэтому профсоюз французский тут тоже особо не поможет, он скорее делает компании, в которых ты работаешь менее успешными, потому что там зачастую вообще не очень компетентного сотрудника становится невозможно быстро уволить, и в общем это, скорее, в компании действующего профсоюза... это скорее недостаток, чем преимущество, если мы говорим о реальной перспективе развития и внутри компании, и потому что как бы оказаться в какой-то большой истории. Безусловно, общественное движение выступающее за интересы IT-индустрии... Ну вот в России такого нет... сейчас видимо мы становимся таким движением, судя по этому круглому столу, и, да, я думаю, что это будет одна из частей нашей деятельности как партии, просто потому, что изначально состав людей, заинтересованных в нашей деятельности – это те самые программисты, айтишники и мы, как партия, выполняющая в первую очередь волю членов партии будем вынуждены... хотим мы того или нет... выступать общественной организацией, защищающей общественные интересы. Еще один момент хотел сказать... тут тема немножко ушла в сторону... она как раз про правовой нигилизм. Одна из вещей, которая... и как в таких случаях действовать айтишникам... в таких случаях как с Nginx. Одна из вещей, которую очень хотелось бы всем посоветовать – это нужно правильно расходиться. В смысле, когда ты заканчиваешь сотрудничество в компании, особенно в компании, имеющей какие-нибудь западные юридические лица... ну у вас происходит расторжение контракта. Это происходит в определённых условиях, обычно зафиксированных на бумаге. Соответственно, условия расторжения с эйчарами надо обсуждать особенно, если ты собираешься что-то делать потом. Я могу свой собственный пример привести... меня просила о дальнейших консультациях после ухода сразу из Варгейминга дружественная игровая компания. Я в явном виде оговорил с Варгеймингом возможность таких консультаций оказывать. И что это не вызовет вопросов об использовании моих знаний и опыта, полученных в компании, и не приведет в дальнейшем к какому-либо конфликту. Бумажку об этом подписал. Думаю, что после этого уже Варгеймингу будет затруднительно предъявить мне по этому поводу претензию. Ну, я не думаю что там кто-нибудь захочет это делать. Наверное, если собираешься затевать стартап сразу после выхода из большой корпорации, особенно западной или имеющей форму заработка на Западном рынке бумажку о том, что к тебе претензий иметь не будут надо попросить. Если её, такую бумажку, откажутся подписывать – это уже серьезный повод насторожиться и начать обкладывать себя теми самыми юридическими действиями, которые у нас... защитными... которые у нас так не любят предпринимать программисты.

Олег Артамонов:

Вячеслав, спасибо. Мне хотелось бы вернуться всё же мы здесь много говорим про юридические действия, про юридические последствия и так далее... мне бы всё-таки хотелось вернуться к общественному влиянию и к политике вокруг этой ситуации,

потому что мы видим, что на краткосрочном периоде общественное влияние на что-то оказывает. Ну, как минимум оно заставила Германа Грефа и Александра Мамута как-то резко зашевелиться и хотя бы публично предпринять, сделать шаги назад. Возможно, если бы вот этого возмущения бурного не было, то все бы уже, кому надо сидеть в СИЗО, уже бы в СИЗО сидели, как это водится в российском уголовном праве. А вот у нас есть два представителя от прессы. Сергей Нестерович от Агентства политических новостей и Юрий Синодов Android.ru. Хотелось бы у них спросить... И вообще, я понимаю, конечно, что у нас здесь все, в общем, собравшиеся в той или иной степени айтишники, но хотелось бы... Вы, скажем так, немножко менее айтишники, более пресса... Вот как вы видите эту ситуацию со своей стороны, всю ситуацию в целом? И как вы видите возможное влияние публики, движений, политических партий, то есть средства массовой информации... то есть может ли здесь быть какой-то центр кристаллизации, который будет формировать такое вот непрерывное давление, и можно ли сделать так, вот, я не знаю... за счет профсоюза, за счёт партии, за счёт кого-то ещё, что Rambler будет понимать и люди, стоящие за Rambler будут понимать, что как в декабре с него не слезли, так если в апреле или когда-то ещё они вернуться с них снова не слезут. Сергей, твоё мнение?

Сергей Нестерович:

Всем привет! Всех приветствую! Ну, я, на самом деле, в сторону от заданного вопроса скажу, но на самом деле в том же направлении. Прежде всего я хочу сказать... обратиться немножко к истории... сказать, что в России есть вполне конкретный прецедент политически мотивированного изменения законодательства, связанного с конституционными правами. Я напомним, что когда Россия вступала в ВТО, ей были в том числе выставлены требования прежде всего от индустрии США, связанные с распространением разного рода интеллектуальной собственности о внесении разного рода изменений в законодательство. Эти требования были выполнены. Была принята 4 часть Гражданского кодекса, старые законы отменили. Это было связано с тем, что в полном соответствии с российским законодательством и в противоречие западному, в России осуществлялось так называемое коллективное управление авторскими правами относительно MP3 файлов, которая выпускала западная музыкальная индустрия. А также фильмов. И здесь прекрасно существовали несколько компаний, которые на весь мир этим торговали. Западным авторам предлагалось обратиться за трехкопеечными рублевыми отчислениями. То есть мы уже видим, что прецедент такого сорта масштабных изменений был, и я сейчас скажу почему это начал говорить. Я считаю, что происходящее сейчас вокруг ситуации с Nginx, оно в целом может и, по всей видимости, должно спровоцировать аналогичного масштабы изменения в российском законодательстве, что вопрос может стать просто политическим и международным и он вовсе не является частным вопросам отдельных разработчиков несчастных, которых очень обижает Rambler, а он является именно масштабным и задевающим в определенном смысле российское государство и российскую индустрию как таковую.

Почему я об этом говорю? Ну прежде всего, есть две группы людей, которые никак в этом обсуждении не были задействованы и людей, людей из организаций, уточню, которых оно в первой степени задевает. Первая: это авторы спорного продукта, на какие-то правовладения которым претендовала Rambler Group, и которая... решение, если оно будет принято о виновности Сысоева, его коллеги, оно может стать преюдицией. И вторая, что хуже, это те, кто использовали этот сервер. А можно уже посмотреть, что ещё будет происходить, если, допустим, предполагавшийся изначально юристами атакующей стороны сценарий будет реализовываться. Допустим, они получают такое решение суда о том, что ущерб нанесен, так сказать, украдено право на продукт и дальше что? Получается, что пол мира, по статистике, если мне не изменяет память, то ли 45, то ли 47 процентов серверов во всём мире незаконно использовали украденный программный продукт. Это для России в целом какие последствия может иметь? Представьте, что на весь мир появляется маленькая российская компания... а в мировом масштабе, что *Линвуд*, что Rambler целиком достаточно малы, которая говорит, что, знаете, вот за эти годы все, кто пользовался нашим программным продуктом чего-то должны. Как говорят американцы, *it's too much*. По-русски говоря – кусок шире пасти. То есть результатом любой попытки использовать эту преюдицию, я повторяю, что поворот уголовного дела в сторону преюдиции может создать то, что право на Nginx присутствует, прежде всего, у Rambler или у *Линвуда*... значит он может создать ситуацию политически мотивированное атаки западной индустрии и на уважаемого господина Мамута, и на уважаемого господина Грефа, то есть, возможно, юристы и аналитики их не донесли до этих чрезвычайно уважаемых мною людей, что они рискуют получить второй закон Магнитского просто по причине масштаба подразумеваемых претензий финансового плана, которые могут возникнуть по результатам успешной реализации этой операции. Даже от компании, от которой они вроде бы сейчас как-то дистанцировались. По этой причине я считаю, что, может быть, российскому обществу нужно как-то более четко заботиться о дальнейшем недопущения подобных ситуаций и о корректном и не обидном ни для кого из участников разрешении имеющихся. Я вижу один из возможных сценариев такого разрешения не просто какой-то позвоночное право или моральное давление, но в приведении юридической ситуации в России в целом к признанию официальному открытым и свободным лицензий как отдельного класса лицензий. Напоминаю, что в четвертой части Гражданского кодекса до сих пор точной формулировки, которой бы это соответствовало нет. То есть лицензия от Business Style до свободных лицензий, в смысле, **[неразборчиво]** Foundation... Они висят немножко в правовом вакууме, но в такой дыре. Возможно, есть смысл добиться, добиваться не решения по конкретному уголовному делу, а законодательном урегулировании вопроса с признанием вот таких вот лицензий и, одновременно с этим, обнуления всех возможных имущественных требований по поводу подобных продуктов, если эти продукты выносились в Public domain или пускались ранее под свободными лицензиями... просто на законодательном уровне. Мне представляется, что, хотя этот путь выглядит наиболее масштабным из всех возможных сценариев развития этого дела... он является наиболее правильным,

во-вторых, весьма реалистичным. Повторюсь, ситуация, когда российский уголовный суд, возможно даже городской или там не верховного уровня создает преюдицию, по которой базирующееся по сути всё-таки в России, а не на Кипре компания имеет возможность требовать со всего мира лицензионные отчисления, а лицензионные отчисления немалые... с 2004 года или с какого они там говорят, что применяли лицензию и сменили формальное авторство, это слишком большой маршрут требований, чтобы просто так произошло. Я думаю, что... завершая свою мысль, я думаю, что реакция безусловно будет и для того, чтобы ее не допустить нужно сейчас активно доносить просто для всех заинтересованных лиц в Москве, что лед, по которому они пошли очень тонок. И что он намного тоньше, чем могло показаться со стороны. Вот что я сейчас хотел сказать на эту тему, про профсоюзы, программистов, и про прочую романтику не буду. Спасибо. Так, я тебя не слышу.

Олег Артамонов:

Сергей, спасибо. Да, здесь была проблема с микрофоном. Ну и вот в чате как раз пишут, что ядерное сочетание – это сочетание правового нигилизма у айтишников с табуированием политики. Много раз приходилось слышать от айтишников, что политика – это не наше, мы её не касаемся, мы её не обсуждаем. Ну вот видимо здесь мы пришли в ситуации, когда если ты не касаешься политики, то политика коснется тебя и не всегда приятным образом. Но так или иначе у нас ещё... хотелось бы услышать мнение Юры Синогова. Как ему с точки зрения, вот со стороны, с точки зрения СМИ, как что это выглядит. Юра, вот как ты считаешь, что вообще со всем этим делать и какая будет наша перспектива вообще?

Юрий Синогов:

Добрый день. Я думаю, что Андрей Шетухин был не очень прав, когда он сказал, что у айтишников нет такого ресурса как у журналистов, который кинулись на защиту Ивана Голунова, потому что на самом деле такой ресурс и не нужен. Пример абсолютно недавнего прошлого – это попытка заблокировать ресурс Vademecum, ресурс медицинский, очень небольшой по меркам российского всего интернета. В результате у нас получилось так, что ресурс был восстановлен... доступ к нему был восстановлен в течение одного дня. У нас есть возможности, у айтишников писать где-то, заявлять... ну там в соответствующие министерства, и они там будут, министр, они будут принимать, соответствующие меры, то есть на самом деле медийный ресурс есть, это не проблема. Конкретно с Сысоевым, как мне кажется, мы вообще столкнулись с тем, что вероятнее всего, это мое предположение у Александра Леонидовича Мамута возникли идеи, или у его подчинённых, что можно как-то повысить доходность своего бизнеса, получив деньги от F5, приобретателя Nginx, которая отложила в фонд по-моему там 5 или 10% от суммы сделки... фонд истекает в этом году, в мае, в период прохождения года с начала сделки, и они решили, что могут легко и быстро получить эти деньги, скорее всего, при помощи того, что они получают в российской юрисдикции

документы о том, что права Rambler были нарушены. На самом деле нормальное способы борьбы с американскими компаниями в американском суде, но это дело дорогостоящее и вставать против они не решили. Добиться какого-то результата от российской Фемиды намного дешевле, в принципе, это решается за счет даже знакомств и некоторой пробивной силы. Я уже не говорю про какие-то там коррупционные схемы. Когда это не получилось, мы в общем-то получили то, что имеем, но сейчас этот фонд уйдёт уже назад Сысоеву. Сысоев, мне кажется, практически недостижим с точки зрения российского законодательства, и вся мутная история просто кончится, вероятнее всего. Но в общем виде, я бы советовал думать естественно про принцип больше бумаги – чище жопа... он работает. Поэтому, если вы хотите что-то зафиксировать, то никогда не отказывайте себе в удовлетворении этого желания, особенно если вы его можете пробить у своего контрагента, работодателя или подчиненного.

Олег Артамонов:

Юрий, спасибо. Ну в общем мы подходим уже к концу второго часа. На данный момент это наша самая длинная трансляция. Давайте, наверное, закругляться. Я сейчас скажу заключительное слово от себя, а потом, если кто-то желает высказаться, сообщите об этом в чатик или помашите мне рукой. Ну от себя я бы сказал, что, да, я в начале трансляции угадал, в начале круглого стола с тем, что это, наверное, не финальный такой заключительный аккорд, а это скорее постановка тем для обсуждения. То есть мы с вами за эти два часа выяснили, что с юриспруденцией всё плохо, причём плохо не только с правоприменительной практикой или честностью или не честностью каких-то конкретных органов, а в целом в ней царит вот очень большой бардак, в котором ни одной из сторон не очень понятно что конкретно делать. Это, наверное, тема для работы юристов. Может быть Дмитрия можно попросить, он у нас автор ряда рекомендаций и заявлений, которые мы отдельно публиковали и от партии, и на нашем партийном ресурсе. Сейчас вот запикают... нехуйшастать.инфо Вот, может быть Дмитрия можно попросить подумать над каким-то предложением, заключением, статьей что делать с законодательством. Артем Гавриченко поднял важную тему правового нигилизма айтишников, даже в части знакомства с лицензией, там не будем сейчас говорить, что инициатива наказуема... Артём мне жаловался, что он человек занятой, что у него много круглых столов. Вот, но со стороны айтишников... подумать как-то двигать эту тематику, какой-то ликбез по взаимоотношениям с правообладателями, с сотрудниками, с вообще понимание что происходит. И тема взаимодействия со СМИ, тема организации какого-то сообщества, потому что на примере роскомнадзорских всех действий, и на примере противостоянии Nginx мы видим, что сообщество очень хорошо мобилизуется на какие-то краткосрочные действия, и эта мобилизация также очень быстро разваливается через, там, 2-3, максимум 3 недели. В общем, скорее наша сегодняшняя двухчасовая дискуссия – это такая затравочка для центров кристаллизации будущей деятельности Мы со своей

стороны со стороны партии постараемся эту деятельность. Мы со своей стороны, стороны партии постараемся как-то эту деятельность поддерживать, мониторить, в частности могу сказать, что мы расшифровку этого разговора в текстовом виде обязательно опубликуем на Хабре и, надеюсь, дальше эту тематику будем в публичном поле поддерживать. С моей стороны всё, я вижу что Юра Панчул просит дать ему слово для комментария. Юра?

Юрий Панчул:

Я хочу сказать, что мы вот видим, что при любой деятельности, когда кто-то делает свой проект, или стартап, или что-то... есть везде риски. Но эти риски не должны вызывать у вас ступор, так как вы эти риски полностью удалить не можете. Вы можете, вы просто должны знать, что, если вы станете очень успешным, любые партнеры, предыдущий работодатель, случайно возникшие у вас на несколько дней партнеры, могут прийти и сказать, что, вот я хочу с этого процент. Вот и все эти вещи нужно планировать, обсуждать с юристами. Полностью удалить их нельзя, но это не значит, что ничего нельзя делать. То есть это вот то, что я тут слышу от лоеров, от всех других людей, кто с этим сталкивается, что всё-таки людям нужно делать такие проекты, а с политической стороны, я абсолютно согласен, что нужен, видимо, какой-то особый статус для OpenSource-проектов. Причём, тут было сказано про GPL и тот вопрос, который сейчас задал Артём, он буквально был слово в слово, который я лично спросил у Линуса Торвальдса в 1995 году на конференции в Сан-Диего. И он мне сказал, что тогда сделали GPL Library Licence, так что не нужно полностью свой код включать в GPL, если вы используете GPR. То есть были сделаны некие движения, и, возможно, такие движения как в области лицензии, так и в области лоббирования специальных законов за специальный статус Open Source – это некие реальные действия, которые можно сделать, чтобы просто снизить вероятность таких вот историй.

Артём Гавриченко:

На данный момент... просто маленький комментарий... на данный момент лицензия Library называется GNU Lesser GPL, теперь там есть немного обновлённая версия, так что если читатели и слушатели будут гуглить, то гуглите сразу “lesser”.

Олег Артамонов:

Коллеги, спасибо вам. Вот здесь в чате уже начался спор прав или неправ Андрей Шетухин... я бы сказал, что, да, Андрей заявлял что я\мы не работает, а вот у некоторых из присутствующих мнение, что я\мы работает. Я бы здесь подытожил, если говорить конкретно про этот сегмент, что работает, но недолго. Все мы видим что я\мы в декабре сработало, я\мы с другими делами сработало, с Роскомнадзором иногда работает, но возможно ли это я\мы превратить в какое-то среднее, или тем более долгосрочный эффект? Вот это пока вопрос открытый, но как мы видим – это лишь

один из открытых вопросов. И я очень рад, что сегодня нам эти вопросы удалось поднять и поднять их не в контексте «прав или не прав Nginx», а в контексте «что у нас вообще происходит?». И что в принципе с этим делать. И я надеюсь, что у нас такие обсуждения продолжатся, и на этом мы не закончим. Всем спасибо. На сегодня все свободны.

Вячеслав Макаров:

Всем пока.